

A watercolor illustration of a rainy day. A person wearing a red and white checkered dress and red shoes stands in a puddle, holding a large yellow umbrella. Rain is falling diagonally across the scene. The sky is filled with dark, grey clouds. The overall style is soft and painterly.

Евгений Терехин

Иди в баню и не парься

33 разговора о детях,
дружбе и любви

Евгений Терехин
Иди в баню и не парься.
33 разговора о детях,
дружбе и любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20975488
ISBN 9785448312571*

Аннотация

В книгу вошли избранные статьи из блога «Открою уста мои в притче» www.lifeismystree.com Все мы постоянно задаем себе один и тот же вопрос. Как исправить отношения с детьми, как наладить отношения в семье, как справиться с той или иной ситуацией? Нам хочется решений и ответов. Но опыт показывает, что ни одна человеческая душа не хочет, чтобы ее исправляли, — она хочет, чтобы ее видели и слышали. Когда душу видят и слышат, она чувствует себя любимой и исправляется сама собой.

Содержание

Предисловие	5
Бог и двухвостка	7
Мячиком по лбу или урок имманентности	11
Десять минут и никаких волков	14
Это кто у нас такой красивый!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иди в баню и не парься **33 разговора о детях,** **дружбе и любви**

Евгений Терехин

Иллюстратор Виолетта Терехина

© Евгений Терехин, 2018

© Виолетта Терехина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-1257-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Детям, в отличие от нас, принадлежит Царствие Небесное. Они в состоянии, ходя по лужам и под проливным дождем, дотопать до небес. Взрослый смотрит на лужи и видит грязь. Дети, смотря на лужи, видят облака. Мы смотрим на облака чаще всего для того, чтобы убедиться, что скоро вокруг будут лужи. Для нас небо – предвестник ненастья, для них ненастье – предвестник неба. Они идут по лужам, как Христос ходил по водам. Он был не от мира сего, и потому не тонул, и они не от мира сего, потому и не тонут – в пучине взрослых проблем. Напротив, они вместе с ним идут прямо в Царствие Небесное. Они не различают, где грань между этим миром и тем.

«Умалитесь, – сказал Христос, – и станьте как дети». Но чтобы умалиться, нужно сначала умилиться. Научиться умиляться всему вокруг, как это делают дети. Лужам, палкам, муравьям, осколкам битого стекла, выпавшему зубу, бутылкам из-под антибиотика, оторванной ручке от шкафа. Кто хочет как ребенок взойти в Царство Небесное по лужам этого мира, должен научиться игре. Научиться этому не так-то просто. Кто утверждает иначе, скорее всего, пытается вам что-то продать.

Этим можно только заразиться. Детством заражаются. Прежде всего, от детей. И главный их урок – не парься. Ведь

у тебя есть папа и мама. Хочется плакать – плачь, тебя всегда пожалеют. Чего-то боишься – беги к папе. Хочется кушать – к маме. Упал – не беда, у мамы есть перекись водорода. Чего-то не понимаешь – спроси. Не понимаешь объяснения – ну и ладно, потом поймешь. Заболел – ешь малиновое варенье и смотри мультики. Нашалил – пойд и признайся, тебя любят, простят и всему научат.

Эти тридцать три записи из своего блога я назвал общим названием «Иди в баню и не парься». Париться – не всегда хорошо. Хорошо париться лишь тогда, когда ни о чем не паришься. Только не парящаяся душа пребывает в покое – она находится «под паром», субботствует. Метафора бани великолепна – это покой, пребывание «под паром», оставление забот и «дел своих». Короче говоря, желаю всем идти в баню и не париться. И тогда даже лужи станут для вас поводом посмотреть на небо.

Бог и двухвостка

Некоторым людям повезло – когда они слышат о Боге как об Отце, у них создается в голове позитивный образ. Мне повезло меньше, позитивного образа никак не создается. Но как познать Бога-Отца без какого-то конкретного примера перед глазами?

В моем случае Бог сделал неожиданный трюк – превратил меня в отца, трижды. Я и не подозревал, что со временем мое отцовство станет для меня «окном» в Божье Отцовство. В конце концов, если я люблю своих детей так-то, то «кольми паче Бог» любит меня. Если мы, будучи злы, умеем даяния благие давать детям нашим, то, уж конечно, он умеет давать их мне.

Вот как, например, однажды сработал этот «перевертыш». Когда моей дочери было лет пять, мы были в гостях у друзей в Новосибирске. И вдруг ночью она просыпается с диким криком: «Мама, у меня в ухе гроза!» Мы в шоке, смотрим ей в ухо, а оттуда торчат чьи-то усики. Мы поняли, что кто-то туда заполз – квартира, где мы спали, была на первом этаже, и был самый разгар лета.

Вызвали скорую, через минут сорок приехал дядька и сказал усталым голосом, что у него нет инструментов. Пришлось ехать в больницу. Я поехал с дочерью, а жена осталась с малышом. Сидевший в ухе зверек немного успокоил-

ся, и дочь чувствовала себя вполне сносно. Мы ехали по ночному Новосибирску в скорой, она сидела у меня на коленках, а я ей что-то рассказывал. На месте врач быстро осмотрел ухо, взял пинцет и легким движением руки вытащил... двухвостку.

«Сегодня уже третья», – сообщил он нам, а экземпляр отправил куда-то в коробку, на опыты. – «Можете идти». Мы переглянулись, улыбнулись и пошли домой, пешком. Было 4 утра, улицы были пусты, мы долго брели по ночному городу и разговаривали о том о сем.

Казалось бы, о таком опыте лучше забыть. Лучше помнить о чем-то хорошем. О прогулках по парку, о поездках, о собирании грибов. Но именно эти несколько ночных часов, когда она была маленькая и беззащитная, а я был рядом, все время приходят мне на память, когда я думаю об отношениях с ней. В те часы мы сблизились настолько, насколько не сближались ни в какие другие моменты жизни. Я шептал ей на здоровое ухо что-то смешное, гладил по головке, придумывал истории о том, *что* сейчас, наверное, переживает бедный зверек в ее ухе. Он-то, наверное, шел домой, да и заблудился.

Я держал ее за руку у врача, а она была смелая, как львица. Потом мы долго шли по улицам, уже забыв обо всем, что произошло, и воспринимали это теплое июньское утро как подарок. Когда еще мы погуляем вместе в 4 утра по совершенно пустому Красному проспекту? Конечно, страда-

ния есть страдания, их не хочется никому. Но в те часы между нами возникли какие-то прочнейшие узы, какое-то доверие друг к другу, какого не может дать обычная жизнь.

Интересно, думал я, может быть, это только я так воспринимаю те часы? Спрошу у дочери. Оказалось, ту ночь она помнит с трудом, но зато вспомнила другую – года два назад, когда она болела крапивницей. У нее все жутко чесалась, и она не могла уснуть. Я решил тоже не спать, за компанию. Мы долго болтали, а потом до посинения смотрели «Собаку на сене». К утру оба заснули. «Это было классно!» – вспоминает она.

Где Бог, когда ко мне в ухо заползает двухвостка? Теперь я знаю. Я сижу у него на коленках, а он прижал меня к себе и везет на скорой помощи, в больницу. Он говорит мне, что все будет хорошо, он рассказывает мне истории, держит меня за руку, говорит, что мы будем делать завтра, когда выйдем из больницы. Он обнимает меня крепко-крепко, и я знаю, что он никуда не уйдет.

Наверное, он делает даже больше, чем я подозреваю. Если я, будучи зол, могу любить своих детей, то он и подавно. В часы страданий Бог приближается к нам так, как никогда не приближается в благоденствии. Это не значит, что двухвостка перестала делать «грозу» у нас в ухе, не значит, что крапивница вдруг чудесным образом прошла, но мы точно знаем, что он будет с нами до самого конца. Он будет держать нас за руку крепко-крепко и никуда не уйдет.

А потом, рано утром, когда все кончится, мы пойдем гулять по городу. Улицы будут пустыми, в воздухе будет разлит аромат свежей июньской листвы. Мы будем долго болтать о том о сем, а, когда окажемся дома, завалимся спать – аж до обеда. Но эти моменты прошлого будут еще долгие годы вспоминаться нам как блаженные минуты счастья, моменты встречи с Самой Любовью.

Мячиком по лбу или урок имманентности

Просматриваю старые видео – 2006 года – и ловлю себя на мысли: «Что бы я отдал, чтобы вернуться туда хотя бы на мгновение и посмотреть на свою дочь, танцующей в 5-летнем возрасте?» А ведь тогда мне все казалось обычным, обыденным – ну ладно, танцует ребенок, ну и пусть себе танцует. Тогда мне не казалось, что я обладаю сокровищем. Все было повседневным.

Теперь, девять лет спустя, дочь тоже танцует, и опять все кажется обыденным. Но, просматривая старые видео, остро осознаешь одну не вполне очевидную вещь – Бог не в чем-то экстраординарном, он в ординарном. Он в обыденности. Он в повседневных мелочах. Он настолько имманентен, слит с текущим моментом, что я не могу его даже отделить от собственного дыхания.

Пророк Илия понял, что Бог не в сильном ветре, не в огне и не в землетрясении, а в тихом дуновении. По-еврейски это то же слово, что «дыхание, дух» (3 Цар. 19:12). Бог – это дыхание. Мы дышим, живем мгновение за мгновением, но не подозреваем о том, насколько он явен в эти мгновения. И только отделившись от этих мгновений на некоторое расстояние, мы начинаем прозревать в них Бога.

Вдруг становится очевидным, что твоя компания друзей, веселящихся за столом десять лет назад, это чуть ли не рай. Смотришь и понимаешь, что я что-то упустил в те мгновения, и, наверное, упускаю сейчас. Я упускаю Бога в обыденности. А он именно здесь. Он не в потрясениях и не в землетрясениях. Он здесь и сейчас, но он слишком большой, чтобы увидеть его лицом к лицу. Он подошел к нам слишком близко, чтобы мы разглядели его глаза, нос, черты лица.

Как его узнать сейчас, когда сынишка взял теннисную ракетку и использует ее вместо клюшки, размахивая во все стороны? Ну вот, мне в лицо мячиком прилетело. Хочется строго-настрого ему что-нибудь сказать.

Уже десятый раз прерывает меня вопросом о только что просмотренном «Властелине Колец»:

– Папа, а почему у черных всадников лица не было?

– Я же тебя попросил десять минут помолчать. Я пишу.

– А, точно, извини.

Замолкает. Через минуту:

– Папа, а можно мне пострелять из лука? Я в тебя попасть не буду».

«А-а-а, – внутренне закипаю я, но где-то в подсознании все же улыбаюсь – здесь Бог, прямо здесь, прямо сейчас. Ну когда еще мой сын будет таким, как сейчас? Никогда.

Каждое мгновение – подарок, другого такого не будет. Никогда. Осознание этой «никогдашности» помогает отступить от этого мгновения на некоторое расстояние, и тогда,

вдруг, проступают чьи-то черты, угадывается чей-то силуэт. Ты умиляешься и удивляешься тому, что имеешь прямо сейчас. И тогда ты слышишь ответ на свой немой вопрос:

– Где ты, Бог?

– Я не в землетрясении, не в ветре, не в огне, а в мячике, который только что прилетел тебе по лицу. Потому что, когда ты отступишь от этого мгновения и вспомнишь о нем лет через десять, тебе захочется расплакаться и сказать: «Как же я мог тебя не увидеть! Да вот же ты. Хочу обратно».

Десять минут и никаких волков

Одна из самых эффективных тактик усыпления незасыпающих детей, которые мы испробовали за четырнадцать лет, состоит в следующем. Когда ребенку не спится по какой-то причине, нужно просто ему сказать: «Я приду через десять минут и посмотрю на тебя». Даже если через десять минут он не заснул, то в следующие десять минут точно заснет. Работает со всеми нашими детьми, а их три штуки.

Стоит только сказать: «Мама или папа придут через десять минут», как ребенок почти моментально расслабляется. Он знает, что стоит подождать немного, и мама придет. Десять минут – не срок. Скоро все будет хорошо. Наблюдая за этим странным воздействием, я всегда удивлялся тому, что у меня с Богом не совсем так. Ведь он сказал: «Гряди скоро». Самое время успокоиться и заснуть. Но нет, не получается. Вернее, не всегда.

А у детей все просто. Папа скоро придет. Полежи и подожди. И он лежит и ждет. Он точно знает, что осталось немного, и он увидит папу. Папа его обнимет, поцелует, и все будет хорошо. Никакие волки не придут. Папа вот он, за дверью. Зевок – и сон.

«Се... близко при дверях», – говорит Бог. Пора расслабиться, успокоиться и отдыхать. Пора вздохнуть полной грудью: если папа прямо сейчас придет, чего бояться? Он при-

дет через десять минут. Если в первый раз не заснешь, то заснешь во второй. Во второе пришествие. Второе пришествие – это не повод для страха, а повод для покоя, умиротворения. *«Возлюбленному Своему Он дарует сон».*

Последнее время – не повод паниковать, напрягаться или париться. Это радостное ожидание – до прихода папы осталось 9,8,7,6,5 минут. Чем он ближе, тем нам спокойнее. И, скорее всего, мы заснем раньше, чем он придет во второй раз. Так всегда бывает – с моими детьми. Во вторые десять минут они обычно засыпают. До моего второго пришествия.

Второе пришествие – самая радостная новость, какая только может быть. Она успокаивает. Какие волки? Какие катаклизмы? Какие бедствия по местам? Какие глады и моры? Какие язвы, чаши и трубы? Фантомы тают. Страхи рассеиваются. Папа за дверью. Я вижу свет, просачивающийся из-под двери. Он там. Он очень близко. Сейчас он зайдет. Подойдет, поцелует, подоткнет одеяло. А потом – будет утро нового дня. Солнце. Мы откроем глаза и увидим его улыбку. И начнется игра.

Это кто у нас такой красивый!

Первое, что хочется сделать утром, когда видишь своего ребенка, трущего глаза после ночных сновидений, это улыбнуться ему во весь рот и сказать: «Это кто у меня тут такой красивый проснулся!» Высказывание, надо сказать, совершенно неинформативное. Но в нем что-то есть. После него на детей находит веселое и бодрое настроение, и в течение дня, попадая в мое присутствие, они испытывают желание «быть хорошими», «умываться» и «делать уроки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.